

В КОНЦЕ СЕЗОНА

ЭКСПЛУАТАЦИЯ
1984 - 17 -
- 24 ЧЮКА
- С. 6 -

тех пор как в начале 70-х я уехала из Куйбышева (тогда еще Куйбышева) в Москву, с тех самых пор так ни разу и не была больше в местном драматическом театре. Так сложилось: когда я приезжаю летом погостить к маме, театр обычно где-нибудь на гастролях. (Лишь в Москве, от случая к случаю, приходилось видеть его спектакли, привозимые по разным поводам).

Хотя искренне я считаю себя знатоком этого театра, знаяшим его нюжным и пылким знанием старшеклассницы, начинавшей свое приобщение к сцене именно со спектаклем самарской драмы. Правда, первая моя статья, посвященная ей, вышла много позже, уже после смерти Николая Николаевича Засухина, с семьей которого меня связывали узы общего самарского родства. Та большая статья о Засухине называлась "Он тосковал по сцене" и опубликована была в "ЭС". Речь шла о том, что будучи многолетним кумиром самарской драмы и публики ("властителем дум") и покинувшим родной город на взлете своей карьеры, он "погас" в московском МХАТе, не проявившем к нему ни уважения, ни интереса. Та же участь, к слову, постигла и его жену, редкостную красавицу, любимицу самарской сцены Нинель Засухину, после приглашения во МХАТ не сыгравшую в нем практически ничего. Да, я хорошо знала самарский театр

Возвращение

тех времен, когда совсем молодой Юрий Демич покорял наши сердца Гамлетом и Глумовым, а рядом с ним на сцене еще играл его отец. А Сережа Соколов был не влиятельным администратором ТЮЗа, а исполнителем забавных молодежных ролей в "Лошади Пржевальского" и "Валентине и Валентине".

Этим летом мне повезло: театр еще доигрывал свой сезон. 30 июня, в тропическую самарскую жару с надвигающимся ураганом из-за Волги и при аншлаговом зале, давалась премьера "Ужасных родителей" Жана Кокто в постановке Владимира Шапиро.

Итак, все было точно таким же в самарской драме, как и в начале 70-х. Тот же красавец-терем, не испакощенный временем и модернизациями, те же тяжелые двери и круговое фойе, и парадный вестибюль на втором этаже. В фойе — галерея незнакомых актерских портретов, среди которых обнаруживались и знакомые еще с давних времен. И что самое ценное, на что мгновенно откликнулась память, — год за годом, начиная с 50-х, вся репертуарная биография театра, представленная, наверное, специально для меня, то есть для удобства ностальгических воспоминаний. Да, помню, помню: "Дачный тулик", "Арктический роман", "Ричард III" и "Миндаугас" с Засухиным, "Медея" с Жанной Владимирской, ворвавшейся в куйбышевский театр начала 70-х, пленившей тут абсолютно всех и потом вновь канувшей в своей Москве. Портал общее впечатление лишь холодный и неуютный буфет с полным отсутствием угощения, спроектированный невесть кем и совсем не вписывающийся во все эти обстоятельства.

А что спектакль? В спектакле самарские корифеи играли, как и положено играть самарским корифеям: Ванда Оттович и Жанна Романенко, любимые мной еще с тех времен, блистали выразительностью и мастерством. Молодежь тоже не отставала. Собственно, самарская драма всегда и славилась именно своей актерской школой, актерскими кадрами. Мне всегда казалось, что театр этот состоит из сплошных звезд, обожаемых городом и публикой. В конце 60-х и начале 70-х ими были Светлана Боголюбова, Вера Ершова, Михаил Лазарев, Николай Михеев, Людмила Грязнова, Людмила Альбукская, Александр Бибе, Всеволод Турчин.

Юрий Хапланов, Александр Демич (старший). Актеры в любом спектакле тут были главной ценностью зрелища, главными на пьедестале сцены; режиссура как самоценное искусство в начале 70-х еще не была известна Самаре. Мы все ходили тогда в театр "на актеров". Вот и "Ужасные родители" продолжили сейчас ту же давнюю традицию. Все как всегда, как ожидалось и как положено.

Я слышала легенду о том, что после спектакля к самарскому театру подают автобусы разных маршрутов — чтобы развести зрителей во все концы города. Что оказалось правдой. И я в свой фантастически отдаленный район Металлург добиралась с немыслимым комфортом, впрывгнув в 34-й автобус, свободно усевшись у окна и ехав целый час через этот огромный, огромный, огромный город.

Спустя неделю поезд "Самара — Москва" вез меня обратно. Весь наш плацкартный вагон был занят галдящей молодежью с рюкзаками и гитарами. Это ехала публика с фестиваля бардовской песни имени Валерия Грушевина, что испокон веку проводится в это время в Жигулях, на берегу Волги. Эти потоки народа, движущегося на "груши-ку" (или на "грушу"), я тоже помню еще с начала 70-х. О, самарские традиции вечны. И нынешний бардовский народ мало чем отличался от тех, что наводняли электрички 70-х. Это и сейчас было тот же особый тип людей — заросших, не мытых, грязногоних, продымленных, сплошь ченных ромашкой гитарных певцов у ночного костра и изо всех сил стремящихся дожить последнюю ночь в поезде еще по бардовски. Всю дорогу, сбиваясь кучками в купе, они голосили на весь вагон свои песни или жигулевское пиво, категорически отказывались покупать у проводницы постельное белье, растянувшись на своих спальниках и свесив с полок пыльные кроссовки.

Ольга ИГНАТЮК